

Galyna Iarotska

DOI: 10.15290/sw.2024.24.08

Odesa Mechnikov National University

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4456-3852

**Лингвистические маркеры
идеологии родства и концептуализации власти
в истории русской культуры**

Ключевые слова: лингвоидеология родства, аксиокатегория, история языка, лингво-специфичность, параллельный корпус, перевод, концептуализация

Введение

Наиболее важной идеей современной аксиолингвистики является констатация того, что семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков, частотность употребления лексем, их метафорический потенциал являются сигналом ценности внеязыкового объекта. «В этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления» [Карасик 1996, 4]. Из этого следует, что подтверждением значимости, актуальности для языкового сознания того или иного понятия может служить не только номинативная плотность, но и лексико-семантическая (в том числе и коннотативная), а также деривационная активность его вербальных репрезентантов. Подобная активность слова, в целом, пропорциональна его частотности, степени многозначности, словообразовательной, фразеологической и метафорической продуктивности, разнообразию синтагматических

возможностей. Таким образом, исследуя динамику семантического и номинативного пространства идеи родства и власти в истории русской лингвокультуры, мы можем выявить актуальность, оценочность и идеологемный потенциал данных понятий в исторической ретроспективе и в современных дискурсивных практиках. Применение историко-сравнительного метода и приема культурно-исторической интерпретации позволит воссоздать прототипическую модель родства и власти и определить их оценочный потенциал в современной русской лингвокультуре. Комплексный характер предлагаемого исследования обусловлен обращением к трудам по истории, политологии, психологии, социологии, философии, когнитивной и корпусной лингвистике, а также положениями аксиолингвистики.

Лингвоаксиологическая проблематика рассматривается в многочисленных исследованиях российских, украинских и зарубежных ученых, выполненных в рамках различных направлений: когнитивной лингвистики (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова), аксиологии и аксиологической лингвистики (Е.В. Бабаева, С.Г. Воркачев, А.А. Ивин, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), лингвокультурологии и лингвоконцептологии (А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев, В.В. Красных, В.И. Кононенко, Н.В. Слухай, А.Н. Приходько, В.А. Маслова), политической лингвистики и медиалингвистики (А.П. Чудинов, Л. Шевченко, Г. Яворская и др.).

Следует подчеркнуть, что термины «лингвокультура» и «языковое сознание» являются для нас лишь удобным метаязыковым конструктом, позволяющим описать ряд феноменов в области языковой эволюции и языковых контактов, а не свидетельством приверженности идее о прямой зависимости мышления и языка, связи языка с психологией говорящего на нем народа, так как «языковые феномены могут объясняться культурными, социальными, политическими обстоятельствами, но не стоит ждать от языковой системы эксплицитного и систематического «изложения» жизненного кредо носителей языка» [Березович 2007, 13].

Безусловно, интерпретация значимости родства и статус авторитета в обыденном коллективном сознании непосредственно связаны с принципами социально-экономического устройства общества в конкретный исторический период, и могут быть представлены

ценностями социальных групп и коллективов, взаимодействующих в рамках существующих политических и экономических институтов, функционирующих в государстве. Таким образом, в данной работе предложен анализ идеологии родства и концептуализации власти в исторической ретроспективе, поскольку «картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой [...] возникают расхождения между архаической и семантической системой языка [Касевич 1997].

Эмпирической базой предлагаемого исследования послужили материалы, извлеченные из следующих источников: этимологические словари русского языка, толковые словари древнерусского и церковнославянского языков, толковые словари современного русского языка, словообразовательный словарь русского языка, частотный словарь русского языка, данные НКРЯ.

Целью работы является изучение системно-языковых средств воплощения лингвоидеологии родства и власти в истории русской лингвокультуры, реконструкции потенциала и концептуальной базы ценности родства и статуса авторитета в древней восточнославянской культуре и их актуализация в современном российском пропагандистском дискурсе.

Как уже было сказано, специфика языковой объективации идеи родства может проявляться в разветвленной системе языковых средств, высокой плотности номинативного поля соответствующего концептуального пространства, семантической презумпции номинантов родства, широкой представленности в паремиологическом фонде языка, словообразовательном и метафорическом потенциале, а также в частотности употребления номинантов концептуального пространства родства в различных типах дискурса. Все эти показатели значимости, ценности родства для лингвокультурного сообщества в тот или иной исторический период могут быть осмыслены как в хронологическом сравнительном аспекте, так и в контрастивном. Основной подход, реализуемый в предлагаемом исследовании, хронологический; контрастивные исследования вербальной объективации идеи родства в славянских и неславянских культурах были бы также интересны и полезны.

Донациональный период истории восточнославянской культуры

Представление о значимости кровного родства входит во все культуры, оно коренится в универсальном противопоставлении своего и чужого. «Для русской культуры родственные чувства имеют особое значение, что всегда отмечается исследователями русского национального характера [...] поскольку родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной насыщенностью (относиться как к родному, как родной)» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012, 155]. Для того чтобы подтвердить специфичность идеологии родства в российской лингвокультуре, нужно обратиться к анализу социально-экономических и языковых фактов.

Опора на социально-экономические, культурно-исторические факты позволяет осуществить комплексный, системный подход к анализу лингвоаксиологии родства в восточнославянской культуре киево-русского периода как исходной точке лингвокультурной динамики. Мы исходим из признания того, что эпоха донационального периода развития восточнославянских языков имеет когнитивно-аксиологическую модель действительности – модель миропорядка, которая представляет собой зафиксированные в языке и актуализирующиеся средствами языка знания о человеке и его месте в мире. Мы опираемся не только на исторические и археологические исследования, но и на этимологические данные для того, чтобы реконструировать аксиологический уровень сознания и мировоззрения древних восточных славян.

Все историки едины, считая, что в социальной организации славян господствовало локальное сообщество, локальный мир. Эти локальные сообщества обычно насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек, социальные связи основывались непосредственно на эмоциональных отношениях. В древнейшие времена славяне имели исключительно родственный, на одних кровных началах и отношениях основанный быт. Все виды деятельности: трудовая, обрядовая, организационная и т. д. – осуществлялись в форме непосредственных личностных контактов. Связь между людьми базировалась на общем происхождении от единого предка, родоначальника. В эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и потому, когда

они появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения (Дятлов; Комков; Рыбаков; Фроянов др.). Таким образом, все отношения между людьми осознаются через формы родства или через формы, прямо из него вытекающие.

Этимологические исследования подтверждают тот факт, что в основе практически всех наименований лиц в статусном аспекте в языке киеворусского периода лежит идея родства, общности происхождения. Язык древних славян также свидетельствует о том, что все свои взаимоотношения славяне истолковывали через родственные отношения. По мнению О.Н. Трубачева, *род*, *родити* первоначально связывалось со смыслами ‘успех’, ‘процветание’, ‘урожай’, ‘прибыль’, ‘забота’ [Трубачев 1994, 137]. В дальнейшем слово *род* начинает обозначать не только факт рождения и происхождения, указание на кровное родство (семья, родня, родственники), но и отнесение к целому поколению, позднее – совокупности поколений, происходящих от одного родоначальника [Срезн., т. 3, 135–136]. «Специфика развития славянской терминологии выразилась в том, что и.-е. **pel-/ple-* ‘производить’, ‘рождать’ не сохранилось в славянском ареале. С таким значением выступило ст.-слав. новообразование *родити*. Это перераспределение значений оказало решающее воздействие на семантику новых славянских терминов, обозначающих родственные коллективы: *rod* и *pleme*» [Маслий 2015, 54–55].

Примитивные общества, в частности восточнославянское общество киеворусского периода, характеризуются превалированием коллективных интересов и меньшей потребностью в приватности как регулирующем факторе. Ценность общинности, солидарности превалирует над ценностью суверенитета личности, которая являлась антиценностью для древнего сознания. Обособление, отчуждение от коллектива (мира, рода) имело негативную оценочность – *выродок*, *урод*, позднее – *отчеститися*.

Сущность статичного локального сообщества древних славян, основанного на ценности родства, можно понять, обратившись также к анализу понятия «мир», который Ю. Степанов относит к константам русской культуры [Степанов 1997]. По нашему мнению, эволюционный семиотический ряд расположен следующим образом: *племя* (от *плодить*, изначально в значении близком современному *родственники*) – *род* (близкое по значению совр. *семья*) – *мир* (изначально в значении

‘гармония’; ‘обустройство’; ‘порядок’, в противоположность *воле* как хаосу, позже в значении ‘сельская община’) – *община* – строго регламентированное обустройство сельской жизни, «ячейка общественного уклада сельской русской жизни (нигде больше в Европе не встречающаяся)» [Степанов 1997, 675] – *собор*. Таким образом, основными номинантами лингвосемiotического ряда родства выступают лексемы *племя*, *род*, *мир*, *община*, *собор*, каждая из которых вербализует когнитивные признаки родства, составляющего ценностное ядро культуры киеворусского периода.

Актуальность и значимость лингвоаксиологии родства подтверждается лексикографическими данными. Лексема *родъ* в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* имеет 18 значений (*рождение* – 15, *родство* – 8, *родной* – 15), эпидигматические связи которых свидетельствуют о наличии интегральной семы ‘общность’ [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22, 183 – 190]. Одно из значений лексемы *родъ* – имя божества, с которым древние славяне связывали рождение и судьбу человека. Многочисленные производные с корнем *-род-* объединяются значениями общности происхождения, единства, родства: *родимецъ*, *родецъ*, *родственникъ*, *родичъ*, *родня*, *родный*, *родной*, *родимый*, *родичко*, *рожаникъ*, *роженикъ*, *рожденикъ*, *родинъ* (родственник), *родина*, *родно* (совокупно), *родство*, *родительство*, *родовикъ*, *родовитость*, *родоначальник*, *родословие*, *родопочитание*, *рододатный* и *родорачительно* – с заботой о своих родственниках [там же, 190] и др. Номинативное поле родства закономерно включает лексемы, обозначающие термины родства. Так, например, список наименований с корнем *-брат-* также свидетельствует о номинативной и семантической плотности идеи родства: *братъ*, м., уменьш.-ласкат. *братецъ*, м. 1. Брат. || Родственник, находящийся в одинаковой степени родства в отношении к общему предку. *Сведеный братъ* – сводный брат. *Названный братъ* – друг, названный братом по взаимному согласию. То же, что *братенецъ*, м., *братеникъ*, м.; уменьш.-уничиж. *братишка*, м., *братишко*, м. и с. 2. Равный в каком-л. отношении, собрат. || Согражданин, соплеменник. || Обозначает различные степени старшинства в княжеских отношениях. *Братний*, *братный* [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, 318–319]; *братанъ*, м. 1. То же, что *братаничъ*. 2. Двоюродный брат [там же]; *братанна*, ж. 1. Дочь брата; племянница. 2. Двоюродная сестра [там же]; *братанецъ*, м., *братаничъ*, м., *Братитичъ*, м., *Братичъ* (*Братычъ*), м., *Братовичъ*, м. Сын брата; племянник [там

же]; *Братанична*, ж., *Братична*, ж. Дочь брата, племянница [там же, 319]; *Братарство*, с. Признание братом, т. е. равным себе по достоинству [там же, 319–320]; *Братати*. Совершать обряд побратимства над кем-н. [там же]; *Брататися*, *братитися*. Заключать братский союз, становиться побратимами. || Называть друг друга братьями; *Братачадь*, ж. Двоюродная сестра или племянница; *Братеничь*, м. Неродной брат или племянник; *Братенский*, прил. Братский [там же]; *Братчина*, жс. 1. Праздничный пир вскладчину. 2. Община [там же, 326] и мн. др.

Обращает на себя внимание объединение когнитивных признаков «кровное родство» и «родство вследствие заключения братского союза», что вербализуется в глаголе *брататися* и существительном *братарство*, а также закрепление за существительным *братчина* значения 'община'. В современном русском языке, по мнению И.Б. Левонтиной, в слове *родной* на первом плане не факт родства, а «ощущение органической связи, это слово свободно употребляется и для описания отношения к людям, не являющимися кровными родственниками» [Зализняк 2012, 152].

Специфика соборного идеала хорошо просматривается в памятнике киеворусской литературы конца XII века *Слово о полку Игореве*. Его идеал — единство, братский союз князей. Причина неурядиц в стране лежит не в той или иной организации общества, но в характере и поведении князей, в отсутствии у них единства, соборного согласия, в том, что они «розно несут» Русскую землю. Идеал автор *Слова* видит в том, что «князья возродят бывшее единство, верность крестному целованию, что брат перестанет говорить брату: *Се мое, а то мое же*, поэтому автор не только осуждает князей как виновников «невеселой години», но и прославляет их как будущих спасителей Русской земли» [Лотман 1962, 341].

Русское общество ориентировано на воспроизводство тотемического мышления, так как господство синкретизма предполагает нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта [Ахиезер 1991]. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей. И такой высшей ценностью стала верховная власть.

Власть главы семьи, дома, локального мира служила почвенным стимулом для авторитаризма. Усиление княжеской власти было возможно на основе давно зревшей уверенности, что без князя невозможно воевать, сражение может быть проиграно лишь в силу отсутствия полководца – князя. Носителем власти являлся старейшина, основатель рода, князь, которому полагалось быть по-отечески строгим и справедливым. Царь хоть и грозен, но справедлив, и эта вера прочно въелась в народное сознание (ср. А.С. Пушкин: *Царь был строг, но справедлив...*). А все народные беды идут от чиновников, которые обманывают государя и искажают его волю. Такая зависимость веками приучала к мысли: жизнь человека зависит не от закона, а «от воли царя», и чтобы «найти правду», надо идти «на поклон царю». Но чаще в реальности убеждались: *До Бога высоко, до царя – далеко*, надо терпеть. «Отношения власти и населения по традиции понимались как патриархально-семейные: «царь-батюшка» – глава «русского рода», и «дети государевы» (народ), обязаны исполнять все его приказы, иначе род погибнет [Сергеева 2004, 168].

Следовательно, культурное наследие способствовало тому, чтобы первое лицо в государстве могло вписаться в нравственный идеал, выдвигающий князя в качестве источника, носителя высшей Правды. Царь как преемник князей вписывался в ту же культурную основу, создавая культурную преемственность.

Со временем такой принцип правления стал все глубже проникать в политическую культуру, постепенно власть приобрела сакральный характер. Как отмечал религиозный философ П. Флоренский, «в сознании русского народа самодержавная власть – это не юридическое право, не условность, а милость Божия» [Флоренский 1996]. Исчезло из русского обихода даже само слово *дружина*, а вместо него стало употребляться слово *двор*, как в Европе. С падением Византии в XV веке московских князей стали называть *царь* (от римского *кесарь*), а в 1547 г. Иван Грозный венчался на *царство*. Слово *царь* стало официальным, и это был не титул, а скорее – божественное имя, с мистическим смыслом. До того, как слово *царь* стало употребляться по отношению к русскому князю, оно имело значение ‘татарский хан’ [Срезн., т. 3, 263] и византийско-болгарское значение ‘административный чин’. В дальнейшем дериваты с корнем *-цар-* фиксировали не только обозначения

членов царской семьи (*царица, царевич, царевна*), но и опирались на уже существующие устойчивые семантические связи с божественным, христианским миром: ср. *царствие (цесарствие)* – царствие небесное, блаженство загробной жизни [Срезн., т. 3, 263]. Сформировался речевой стереотип: *Воля царя – воля Бога*. Царь – это «наместник Бога на земле», и власть его беспредельна.

С 1649 г. в *Соборном Уложении* личность царя прямо отождествляется с государством. Сакрализация монарха (а вместе с ним и идеи государства) еще более усиливается при Петре Великом, когда на него возлагаются и функции патриарха. Появляется лексема *император*. Начиная с XVIII века, все события в жизни императора и его семьи отмечаются всем народом как религиозные праздники – при самой активной поддержке православной церкви. Иначе говоря, царская власть (как и закон, ср. *закон* – закон Божий, вера) воспринималась не как правовое, а как религиозное понятие, о чем свидетельствуют данные лексикографии, согласно которым значение лексемы *владычество* толкуется следующим образом: 1. Обладание высшей властью (бога, верховного правителя, царя). 2. Сан владыки (архиепископа) [СлРЯ XI–XVII вв., 213]. Аналогично этому определению толкуются значения всех лексем данной лексико-семантической парадигмы, в которых соединяются признаки юридического и религиозного права власти.

Идея власти формировалась под непосредственным влиянием психологии общинного хозяйства. «Мир» как сельская община в древности занимал место государства, но и с ростом централизации «мир» в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался высшим авторитетом. Вплоть до петровского времени «мир» обладал определенными атрибутами государственности. «Мир» просили о заступничестве, к «миру» обращались с челобитной. «Мир» собирал подати (налоги) и выплачивал их государственным властям как дань. Во всех внешних контактах (с государством или с другими аналогичными «мирами») он выступал как единое целое и защищал каждого из своих членов от посягательств извне. «Те почтительные выражения, в которых говорят о мире его члены, показывают, что они относятся к миру, как целому, действительно обладающему в их глазах верховным авторитетом, а о постановлениях его говорят как о велениях: «добыл челом миру», «велели всем миром»» [Богословский 1903, 191].

Само государство понималось как система, объединяющая многочисленные «миры», то есть, по словам исследователя северорусской общины М. Богословского, «оно было *миром* в более широком объеме, отличающимся от своих образующих элементов скорее количественно, чем качественно. Мир как бы часть федеративного целого в миниатюре, обладающего теми же свойствами, что и целое» [Богословский 1903, 190]. Таким образом, Россия оказывалась в обыденном сознании народа большой общиной, а под *миром* в более широком смысле понимался «русский народ». В скрытом, неявном виде русская община несла в себе и высшие общечеловеческие ценности. В частности, «для русского крестьянина она представляла собой конкретное воплощение такой ценности, как Человечество (человеческий род) или, по крайней мере, *родной народ*. Тратя усилия на сохранение общины, «*страдаая за мир*», человек способствовал сохранению всего народа в целом» [Бороноев, Смирнов 1992]. *Мир, народная община* воспринимались как мини-государство со всеми его функциями и даже некоторыми атрибутами: слова *народ* и *мир* для русских крестьян синонимичны, *Россия* и есть *мир* (*всем народом = всем миром*). А Россия как *мир* не знает границ – она везде, где поселятся русские [там же].

По нашему мнению, представление о «должном государстве» непосредственно связано с понятием «мир» – центральным в сознании русских крестьян. Слово *община* можно считать синонимом – церковнославянским «преемником» слова *мир*. Мир – основной тип русской социальности (община – более позднее, христианское образование). Как уже было сказано, слово *община* – старославянизм в составе русского языка. Оно было очень употребительно в древнерусской литературе и выражало разные значения: 1) «общение или наличие чего-нибудь общего; единение, соединение» 2) «общество, общественная группа, объединенная какими-нибудь интересами, союз» (ср. Составляется *объщина* или дондеже живы суть обьщиися или до време... Зак.градск.). 3) «монастырское общежитие». Повеле игумену *общину* соделати (1556 г.). 4) «общественное имущество» (*объчина*) [Срезн., т. 2, 582–583] В *Словаре Академии Российской* отмечалось лишь одно значение слова *община*: «То, что принадлежит многим; складчина» [САР-2, т. 4, 147–148].

Крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира». «Мир» – это

автономная самодостаточная целостность. С правовой точки зрения, он был административной единицей, с церковно-канонической – *приходом*; с точки зрения имущественного права, «мир», поскольку он распоряжался землей, являлся *поземельной общиной* [Шкаратан 2003, 10]. Таким образом, эволюционный семиотический ряд может быть выстроен следующим образом: *род – мир – община – русский народ – Русь – Россия*.

«Многообразие форм проявления этнических констант обеспечивает их максимальную неуязвимость. В случае очевидного противоречия этнических констант реальности под угрозу ставятся не сами этнические константы, а конкретные формы их выражения. Так, некая поведенческая норма может быть откинута индивидом или обществом как несостоятельная, но бессознательная подоплека этой нормы остается незадетой и найдет свое отражение в других формах. В период смены модификаций традиционного сознания этноса этнические константы просто меняют свою одежду» [Лурье 1994, 34]. Таким образом, в коллективном сознании произошла соответствующая православным ценностям реинтерпретация ценностей родства-мира и власти авторитета, где *родство* занимает одну из центральных позиций. Аксиологический потенциал родства позволил сформировать современную идеологему *русский мир*, ставшую ключевым понятием современной российской пропаганды. Благодаря лингвоспецифичности и значимости понятия «соборность» (*собираание русских земель*) в русской культуре многие исследователи относят его к константам русской культуры [Булыгина; Колесов; Степанов; Радбиль и др.].

Советский политический дискурс

Изменения, произошедшие в лексической сфере советского политического дискурса, существенным образом не повлияли на концептуальную картину мира, возможно, потому что в ней имела место преемственность ценностных ориентиров. «Неизменными оказываются логически необъяснимые, принятые в национальной картине мира за аксиому блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме» [Лурье 1994]. Мир-община и соответствующие ему

ценности родства и сакральной власти явились основой, обладающей наибольшими адаптивными свойствами, которые позволили создать модифицированную аксиосистему не только советской, но и современной российской (постсоветской) идеологии. Так, например, актуальность идеологии родства в советском политическом дискурсе подтверждает факт использования метафоры семейной связи всех республик, входящих в Советский Союз, формировавшей непротиворечивое представление об обществе без акцентирования национальных различий. *Семья братских народов* дружила с зарубежными странами социалистического лагеря, а народы СССР были связаны исключительно *братскими* отношениями. Иногда к *братским народам* относились только граждане славянских государств. Очевидно, эти обозначения были четко регламентированы как политические термины, и сфера их референции была строго определенной, то есть перечень стран и народов, по отношению к которым могли быть употреблены те или иные прилагательные (*братский, дружеский*), был под контролем партии и правительства.

Метафоры родства позволяли примирить представление о русском языке как родном для всех народов СССР (для этого было введено понятие *второй родной язык*). Идеологическая метафорическая модель братства всех республик: *братские республики, братские народы, города-побратимы* и т. д. (ср.: *брат*, а, м. 1. перен. *Старший брат*. Патет. или ирон. О русском народе по отношению к другим народам СССР. *Почему именно русский? Потому что это язык старшего брата и самого верного друга всех народов СССР – русского народа* [ТСЯС, 1998] продолжает сегодня эксплуатироваться в дискурсе российских массмедиа в условиях агрессивной войны России против Украины.

Эпитет *братский* использовался также и по отношению к жителям стран социалистического лагеря и коррелировал в определенном смысле с обозначением *славянский* (ср. *братский славянский народ, братский польский народ, братский болгарский народ и дружеский народ Венгрии*). Сочувствие и эмоциональная солидарность, присутствующая в семантике дружбы, объединяет ее с братством. В то же время дружба, несмотря на весь эмоциональный и социальный позитив, лишена крепкости и надежности, стабильности братских отношений, и именно поэтому в политических текстах советского периода предстает

ценностью меньшего ранга по сравнению с братством. Таким образом, подтверждается актуальность идеологии родства, которая опирается на глубинное смысловое значение и ценность родственных связей и, вероятно, может быть отнесена к архетипной модели миропонимания, что находит отражение в языковых маркерах.

Политический дискурс постсоветского периода

После распада Советского Союза метафорическая модель родства как способ представления отношений между Россией и Украиной (*Россия как старший брат*) подверглась активной деконструкции с опорой, в том числе, на исторический факт существования Киевской Руси задолго до появления Москвы.

В советское время использовалась номинация по отношению к русскому народу как к *старшему брату*, что впоследствии в украинском медиадискурсе приобрело ярко выраженную негативную оценочность, и сегодня используется в основном в иронических контекстах (*братские танки*), которые в большинстве своем подчеркивают агрессивность России по отношению к Украине (ср. еще в довоенных текстах украинского дискурса: о русских – *наши стратегические братья* – имплицитно содержит угрозу). Попытка устранить метафору родства из украинского внешнеполитического дискурса и заменить ее на модель вражды не означает полного отказа от нее, поскольку плохой брат не перестает быть братом, что подтверждают многочисленные иронические контексты использования метафорической модели родства-братства [Яворська, Богомолов 2010, 73].

Идеологемы *один народ, братские народы, братская дружба*, созданные в угоду празднованию 300-летия воссоединения Украины и России, были не только ключевыми в тезисах членов тогдашнего ЦК, но и остаются актуальными в современном российском пропагандистском дискурсе. Таким образом, идеологемный и конфликтогенный потенциал родства в современном российском политическом и медиа дискурсах, где в качестве одной из частотных метафорических моделей используется модель родства (братства) восточнославянских народов, создает семантическую преемственность аксиокатегорий, благодаря которым

сформировалась идеологемная база политической доктрины власти (*братские страны, братская помощь, братские народы, славянское братство, православное братство*) [Яроцкая, Шимуля 2017]. Ориентация на братство народов во внешнеполитическом курсе полностью соответствует лингвоидеологии родства и эмоционализирует современный пропагандистский дискурс России.

Квантитативные показатели родства

Словообразовательное гнездо с доминантой *род* в современном русском языке подтверждает особое место этого понятия в ценностной системе русской лингвокультуры: *род, родить, рождение, родство, родной, родимый, родина, родня, родичи; сродниться, породниться, урод, урожай, народ, природа, выродок, зародиться, зародыш* и т. д. Каждое из дериватов с корнем *-род-* потенциально и узуально является доминантой собственного словообразовательного гнезда. По данным словообразовательного словаря А.Н. Тихонова, словообразовательное гнездо с вершиной *-род-* насчитывает 457 производных, из них приблизительно 40% слов имеют древнейшее происхождение [Тихонов ССРЯ 1985]. Это словообразовательное гнездо – одно из самых разветвленных гнезд в русском языке.

Внимание к квантитативному компоненту языка в данной работе обусловлено не только регистрацией высокой частотности лексем как критерия значимости, а также важностью внедрения дополнительного параметра оценки лингвоспецифичности, который определяется количеством (множеством и разнообразием) переводческих аналогов лексической единицы. Другими словами, отсутствие регулярного эквивалента будет свидетельством лингвоспецифичности понятия.

Современные технологии корпусной лингвистики позволяют проследить динамику частотности употребления лексем, объективирующих лингвоидеологию родства, опираясь на статистические методы. Кроме того, имеет значение отношение частоты лексемы (на миллион слов) в оригинальных текстах на языке L ($F(O) \text{ ipm}$) к частоте ее же (на миллион слов) в переводных текстах на этом же языке L ($F(T) \text{ ipm}$). Вполне предсказуемо, что лингвоспецифичная лексика скорее появится при

создании оригинального текста, чем при переводе. Итак, обратившись к лингвостатистическим данным, обнаруживаем, что индекс частотности лексемы *родной* составляет 120.3 ipm, R (ранг) 100, D 96 (коэффициент Жуяна) в современном русском языке, что свидетельствует о его высокой частотности, которая, по данным частотного словаря (ЧССРЯ) и НКРЯ, остается относительно стабильной.

Любопытно привлечь также материал из близкородственных языков — украинского, белорусского и болгарского; сравнить меру специфичности с русскими соответствиями; так, например, соответствующие показатели для 9-миллионного параллельного русско-украинского корпуса также вполне надежны. Оказывается, что приблизительно в 90 случаях из 100 мы имеем модель перевода словосочетаний, типа *родной-ая, ое* (*дом, страна, земля, край, город* и т. п.) как *рідна* (укр.) и *родны* (белорус.) и *родната* (болг.), то есть регулярна модель перевода высокой степени эквивалентности. В остальных случаях (10%) используется трансформация с опущением лексемы *родной* или замена ее на прилагательное, например, *собственный* (*власний*) и притяжательные местоимения (*свій, мій* и др.) в украинском языке.

Применение статистических методов к выделению лингвоспецифичной лексики на параллельном корпусе является актуальной задачей, поскольку некоторые сравнительные характеристики славянских языков современного периода дадут возможность подтвердить или опровергнуть гипотезу о преемственности ценности родства не только в русской культуре, но и в славянском лингвокультурном сообществе в целом.

Перспективой для дальнейшего исследования представляется использование данных параллельных корпусов для точного определения и выявления так называемой лингвоспецифичной лексики, которая трудно или особенно неоднозначно переводится на другие языки [ср. Добровольский 2009]. Для этого необходим количественный и качественный анализы моделей перевода такой лексики. Предполагается, что при переводе лингвоспецифических слов, являющихся аксиогенными в той или иной лингвокультуре, будет использоваться множество вариантов и моделей перевода, «в среднем на каждую будет приходиться сравнительно немного контекстов, а частота самой частотной из них не будет сильно отличаться от остальных (и он будет занимать лишь небольшой процент от общего числа соответствий)» [Сичинава 2014].

Заключение

Культура древних восточных славян воспроизводит ценности единства, родства (рода или родноверия), впоследствии развившиеся в российскую лингвокультурную идею соборности (или общинности). Вербализованные представления об идеальном обществе, мире (*на миру и смерть красна, против мира не пойдешь, на роду написано* и др.), а также высокая номинативная плотность идеологии родства (концептуализация межличностных отношений через родственные связи: *брат, сестра, дядя, тетя* и т. д.), словообразовательный потенциал производящей основы *-род-* подтверждают особое место этого понятия в аксиосистеме древней восточнославянской лингвокультуры.

Лингвоидеология родства имеет глубинное смысловое значение и отражает понимание окружающего нас мира не только нашими предками, но и, вероятно, может быть отнесена к архетипной модели миропонимания.

Перечисленные в статье историко-культурные факторы формирования архетипа власти и приоритетов родства находят подтверждение в русской лингвокультуре.

Частотность лексем тематического поля родства сохраняет свои высокие показатели, по данным НКРЯ.

Идеологемный потенциал родства активно используется в российском политическом и медиадискурсе и служит обоснованием и оправданием для российской пропаганды вооруженного вторжения в Украину с целью восстановления «братских» отношений с украинским народом.

Привлечение данных параллельных корпусов позволит обосновать или опровергнуть идею лингвоспецифичности номинативного поля родства в славянских лингвокультурах.

Сокращения

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*, [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

САР-2, 1789–1794 – *Словарь Академии Российской. В 6 томах, 1789–1794*, Санкт-Петербург.

- СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–28 (1975–2008), <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>.
- СЦСРЯ 1867 – *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ. В 4 томах*, 1867, Санктпетербургъ.
- ССЯ 2006 – *Словарь старославянскаго языка. В 4-х т.* – Репринт с издания Чешской Академии наук (1966–1997), 2006, Санкт-Петербург, <http://www.adverbium.org/ru/slovar-staroslavianskogo-jazyka>.
- Срезн. 1889 – Срезневский И.И., 1889, *Словарь древнерусскаго языка*. В трех томах, Москва. (Материалы для словаря древнерусскаго языка И.И. Срезневскаго), 1893, Санкт-Петербург, <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>.
- Тихонов ССРЯ, 1985 – Тихонов А.Н., 1985, *Словообразовательный словарь русскаго языка: в 2 т.*, Москва.
- ТСЯС 1998 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 1998, *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург.
- Фасмер 1996 – Фасмер М., 1996, *Этимологический словарь русскаго языка: В 4-х т.*, Санкт-Петербург.
- Цыганенко 1989 – Цыганенко Г.П., 1989, *Этимологический словарь русскаго языка*, Киев.
- Черных 1999 – Черных П.Я., 1999, *Историко-этимологический словарь современного русскаго языка*, Москва.
- ЧССРЯ 2009 – Ляшевская О.Н., Шаров С.А., 2009, *Частотный словарь современного русскаго языка (на материалах Национального корпуса русскаго языка)*, Москва.
- ЭССЯ 1974–1994 – *Этимологический словарь славянских языков*, 1974–1994, под ред. О.Н. Трубачева, вып. 1–10, 11, 12–20, 21–30, Москва.

Литература

- Achijezier A.S., 1991, *Rossia: kritika istoričeskogo opyta*, Moskva. [Ахиєзер А.С., 1991, *Россія: критика исторического опыта*, Москва.]
- Ârockaâ G.S., Šimulâ R., 2017, *Lingvoaksiologiâ rodstva: Rossiâ i Ukraina v rossijskih mass-media*, „Aktual’nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki”, No. 27, s. 65–73. [Яроцкая Г.С., Шимуля Р., 2017, *Лингвоаксиология родства: Россия и Украина в российских масс-медиа*, «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики», № 27, с. 65–73.]

- Âvors'ka G., Bogomolov O., 2010, *Nepevnij ob'ekt bažannâ: ĖVROPA v ukraïn'skomu političnomu dyskursi*, Kiïv. [Яворська Г., Богомолов О., 2010, *Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі*, Київ.]
- Berezovič E.L., 2007, *Âzyk i tradicionnaâ kul'tura*, Moskva. [Березович Е.Л., 2007, *Язык и традиционная культура*, Москва.]
- Bogoslovskij M., 1903, *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v XVII veke*, Moskva. [Богословский М., 1903, *Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке*, Москва.]
- Boronev A.O., Smirnov P.I., 1992, *Rossiâ i russkie: Harakter naroda i sud'by strany*. Sankt-Peterburg. [Боронев А.О., Смирнов П.И., 1992, *Россия и русские: Характер народа и судьбы страны*, Санкт-Петербург.]
- Dobrovol'skij D.O., 2009, *Korpus parallel'nyh tekstov v issledovanii kul'turno-specifičnoj leksiki*, [v:] *Nacional'nyj korpus russkogo âzyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy*, Sankt-Peterburg. [Добровольский Д.О., 2009, *Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики*, [в:] *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*, Санкт-Петербург.]
- Dâtlov S.A., 2006, *Duhovno-nravstvennyetradicii hozâjstvovaniâ v Rossii*, „Problemy sovremennoj èkonomiki”, No 1/2(17/18), s. 408–413. [Дятлов С.А., 2006, *Духовно-нравственные традиции хозяйствования в России*, «Проблемы современной экономики», № 1/2(17/18), с. 408–413.]
- Florenskij P., 1996, *U vodorazdelov mysli*, [v:] *Sočineniâ*, t. 3(1), Moskva, s. 436–437. [Флоренский П., 1996, *У водоразделов мысли*, [в:] *Сочинения*, т. 3(1), Москва, с. 436–437.]
- Froânov I.Â., 1995, *Drievnââ Rus'*, Sankt-Peterburg. [Фроянов И.Я., 1995, *Древняя Русь*, Санкт-Петербург.]
- Froânov I.Â., 1996, *Rabstvo i danničestvo u vostočnyh slavân*, Sankt-Peterburg. [Фроянов И.Я., 1996, *Рабство и данничество у восточных славян*, Санкт-Петербург.]
- Froânov I.Â., 2003, *Načalo hristianstva na Rusi*, Iževsk. [Фроянов И.Я., 2003, *Начало христианства на Руси*, Ижевск.]
- Gamkrielidzie T.W., Ivanov V.V., 1998, *Indoevropskij âzyk i indoevropejcy. Rekonstrukciâ i istoriko-tipologičeskij analiz praâzyka i protokul'tury*, Moskva. [Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1998, *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*, Москва.]

- Karasik V.I., 1996, *Kul'turnye dominanty v âzyke. Âzykovaâ ličnost': kul'turnye koncepty*, Volgograd. [Карасик В.И., 1996, *Культурные доминанты в языке. Языковая личность: культурные концепты*, Волгоград.]
- Kasevič V.B., 1997, *Kul'turno-obuslovlennye različiâ v strukturah âzyka i diskursa, Dokl. na XYIth Intl. Congress of Linguists*, Paris. [Касевич В.Б., 1997, *Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса, Докл. на XYIth Intl. Congress of Linguists*, Paris.]
- Kavelin K.D., 1989, *Naš umstvennyj stroj*, Moskva. [Кавелин К.Д., 1989, *Наш умственный строй*, Москва.]
- Ključevskij V.O., 1989, *Terminologiâ russkoj istorii*, Moskva. [Ключевский В.О., 1989, *Терминология русской истории*, Москва.]
- Ključnik R., 2008, *Istoriâ do i posle krešeniâ*, Sankt-Peterburg. [Ключник Р., 2008, *История до и после крещения*, Санкт-Петербург.], <http://lib.rus.ec/b/363814/read> [7.07.2024].
- Kolesov V.V., 2006, *Russkaâ mental'nost' v âzyke i tekste*, Sankt-Peterburg. [Колесов В.В., 2006, *Русская ментальность в языке и тексте*, Санкт-Петербург.]
- Komkov A.A., 2010, *Duhovnye proâvleniâ v kul'ture dohristianskoj Rusi*, „Analitika kulturologi”, вып. 1(16), s. 18–21. [Комков А.А., 2010, *Духовные проявления в культуре дохристианской Руси*, «Аналитика культурологии», вып. 1(16), с. 18–21.]
- Lâpuškin I.I., 1968, *Slavâne Vostočnoj Evropy nakanune obrazovaniâ Drevnerusskogo gosudarstva*, „Materialy i issledovaniâ po arheologii SSSR”, No. 152. [Ляпушкин И.И., 1968, *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства*, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 152.]
- Lotman Ū.M., 1962, *«Slovo o polku Igoreve» i literaturnaâ tradiciâ XVIII – načala XIX veka*, [v:] *«Slovo o polku Igoreve» – Pamâtnik XII veka*, Moskva. [Лотман Ю.М., 1962, *«Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX века* [в:] *«Слово о полку Игореве» – памятник XII века*, Москва.]
- Lur'e S., 1994, *Metamorfozy tradicionnogo soznaniâ (opyt razrabotki teoretičeskikh osnov ètnopsihologii i ih primeneniâ k analizu istoričeskogo i ètnografičeskogo materiala)*, Sankt-Peterburg. [Лурье С., 1994, *Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала)*, Санкт-Петербург.]

- Maslij E.V., 2015, *Dinamičeskie processy smysloobrazovaniâ v prostranstve konceptosfery*, „Vіsник Harkivs'kogo nacional'nogo unіversitetu imeni V.N. Karazina”, No. 1152, Seriâ „Filologîâ”, vip. 72, s. 54–57. [Маслий Е.В., 2015, *Динамические процессы смыслообразования в пространстве концептосферы*, «Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна», № 1152, Серія «Філологія», вип. 72, с. 54–57.]
- Mežžerina G.V., 2006, *Movna kartina svîtu časiv Kiïvs'koï Rusi (na materialі pisemnih pamâtok XI–XIII st.): avtoref. dis. dokt. filol. nauk: 10.02.01, Kiïv, Ін-т укр. мови НАНУ*. [Межжеріна Г.В., 2006, *Мовна картина світу часів Київської Русі (на матеріалі писемних пам'яток XI–XIII ст.): автореф. дис. докт. філол. наук: 10.02.01, Київ, Ін-т укр. мови НАНУ*.]
- Pavlova A.V., 2013, *Svedeniâ o kul'ture i „ètničeskom mentalitete” po dannym âzyka, [v:] Ot lingvistiki k mifu: Lingvističeskaâ kul'turologiâ v poiskah „ètničeskoj mental'nosti” Sbornik statej, sost. A.V. Pavlova, Sankt-Peterburg*. [Павлова А.В., 2013, *Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка, [в:] От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: Сборник статей, сост. А.В. Павлова, Санкт-Петербург*.]
- Radbil' T.B., 2010, *Osnovy izučeniâ âzykovogo mentaliteta*. Moskva. [Радби́ль Т.Б., 2010, *Основы изучения языкового менталитета*, Москва.]
- Russo M.M., 2014, *Neogumbol'dtianskaâ lingvistika i ramki «âzykovoï kartiny mira», „Polit. Lingvistika / Polit. Linguistics”, No. 1(47), s. 12–24*. [Руссо М.М., 2014, *Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира», «Полит. Лингвистика / Polit.Linguistics», № 1(47), с. 12–24*.]
- Rybakov B.A., 1974, *Âzyčeskoe mirovozzrenie russkogo srednevekov'â*, „Voprosy istorii”, No. 1, s. 3–30. [Рыбаков Б.А., 1974, *Языческое мировоззрение русского средневековья*, «Вопросы истории», № 1, с. 3–30.]
- Rybakov B.A., 1981, *Âzyčestvo drevnih slavân*, Moskva. [Рыбаков Б.А., 1981, *Язычество древних славян*, Москва.]
- Sedov V.V., 1982, *Vostočnye slavâne v VI–XIII vv.*, Moskva. [Седов В.В., 1982, *Восточные славяне в VI–XIII вв.* Москва.]
- Sergeeva A.V., 2004, *Russkie: Stereotipy povedeniâ, tradicii, mental'nost'*, Moskva. [Сергеева А.В., 2004, *Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность*, Москва.]
- Sičînava D.V., 2014, *Ispol'zovanie parallel'nogo korpusa dlâ količestvennogo izučeniâ lingvospecificznoj leksiki*, „Jazyk, literatura, kultura: Aktualnyje problemy izuczenija i priepodavanija”, vyp. 10, s. 37–44. [Сичинава Д.В., 2014, *Использование параллельного корпуса для количественного изучения лингво-*

- специфичной лексики, «Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания», вып. 10, с. 37–44.]
- Škaratan O.I., 2003, *Obščestvo i reformy. Russkaâ kul'tura truda i upravleniâ*, „ONS”, No. 1, s. 30–54. [Шкаратан О.И., 2003, *Общество и реформы. Русская культура труда и правления*, «ОНС», № 1, с. 30–54.]
- Sluhaj N.V., 2005, *Etnokoncepti ta mîfologiâ shîdnih slov'ân v aspekti lingvo-kul'turologii*, Kiiiv. [Слухай Н.В., 2005, *Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології*, Київ.]
- Stepanov Ū.S., 1997, *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniâ*, Moskva. [Степанов Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.]
- Trubačov O.N., 1994. *Praslavânskoe leksičeskoe nasledie i drevnerusskaâ leksika dopis'mennogo perioda*, Moskva. [Трубачев О.Н., 1994. *Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописменного периода*, Москва.], <https://lingvotech.com/trubachev-94>. [7.07.2024].
- Zaliznâk A.A., Levontina I.B., Šmelev A.D., 2012, *Konstanty i peremennye russkoj âzykovoï kartiny mira. (Âzyk. Semiotika. Kul'tura)*, Moskva. [Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д., 2012, *Константы и переменные русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва.]

THE IDEOLOGY OF KINSHIP: LINGUISTIC MARKERS IN RUSSIAN CULTURE

ABSTRACT

Keywords: linguoideology of kinship, lexical units of the nominative field of kinship, axiocategories, history of Russian language, linguospecificity, translation, parallel corpus

The purpose of this work is to study the language-systemic means of embodying the idea of kinship and power in ancient Eastern Slavic culture and the reconstruction of its conceptual base. Research into the dynamics of semantic and nominative space in the history of Russian culture allowed for the extraction of applicable/inapplicable, evaluative, and semantic density of the following concept in a historical perspective. The ideological potential of kinship in current Russian discourse on international relations, where the module of kinship (brotherhood) of Eastern Slavic peoples is used as a frequent metaphorical model, forms semantic continuity of the axiocategory of kinship in Russian linguaculture. Its relevance

is supported by language facts such as: the dense nominative field of kinship; frequency of lexemes related to kinship retains high scores as shown by the Russian National Corpus; analysis of parallel corpuses of Eastern Slavic languages confirms the semantic continuity of the idea of kinship. Additional evidence from parallel corpuses will allow for the confirmation or rejection of the idea of linguospecificity of the nominative field of kinship in modern Slavic linguacultures.